

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Е. Н. Бырдин*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В современную эпоху глобализации стремительно возрастает роль международного правового регулирования различных групп отношений. Активизировались дискуссии о появившемся в сфере международных отношений явлении наднациональности и его соотношении с категорией государственного суверенитета. Данное явление провоцирует немало изменений в сфере правового регулирования отношений в общемировом масштабе. Что касается вопроса влияния наднациональности на суверенитет государства, то автор заключает следующее. Наблюдая передачу государствами — членами международной организации в результате «наднационализации» лишь некоторых своих суверенных полномочий органам этой организации, мы становимся свидетелями деформации представления о священности и абсолюте государственного суверенитета в его классическом понимании. Как следствие, существует риск фактического ограничения суверенитета государства с точки зрения его полноты и абсолюта. В результате анализа позиций исследователей по изучаемой проблематике и выявления основных признаков надгосударственности (наднациональности) сделан вывод, что из двух существующих моделей наднациональности предпочтительной является неинституциональная, которая олицетворяет собой, с точки зрения автора, внеорганизационно-договорную форму международной интеграции.

В настоящее время наблюдается тенденция увеличения роли и влияния международного права на национальные правовые системы не только в сфере торгового регулирования, но и в иных областях (например, в сфере обращения с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами). В результате происходит унификация существующих правовых систем, способствующая умалению уникальности и идентичности государств и народов, которые являются неотъемлемым условием обеспечения их национальной безопасности в современном мире. Наднациональное правовое регулирование происходит, в частности, под эгидой защиты прав и свобод человека. Однако такой лозунг, по всей видимости, служит лишь формальной вывеской международного правового движения и не имеет права на существование ввиду неразрывности и равноценности трех групп интересов «личность — общество — государство». Автор статьи приходит к следующему выводу: чтобы противостоять указанным процессам, исключающим прогрессивное развитие стран и народов и их процветание, государствам необходимо обеспечить разумное сочетание средств национального и международного правового регулирования, не допускающее смешения сфер их действия, и разработать внутренние механизмы защиты прав и интересов субъектов общественных отношений.

© Бырдин Е. Н., 2016

* Бырдин Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, доцент Тюменского государственного университета

enbyrdin@rambler.ru

625000, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38

Ключевые слова: международное право, внутригосударственное право, международная организация, наднациональность, надгосударственность, суверенитет, государство, интеграционное объединение, правовая система, конвергенция права, унификация, национальная безопасность.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.119.10.116-125

В современную эпоху стремительно возрастает роль международного права и международного судопроизводства. Как следствие, тезис о том, что внутригосударственные право и закон должны служить интересам данного конкретного государства и народа и являть собой одно из средств защиты от угроз национальной безопасности, представляющий собой аксиому национальной безопасности, обретает особую актуальность. В результате их развития появляется явление «наднациональности». Указанное явление характеризует процессы передачи полномочий в определенных сферах правового регулирования с государственного уровня на уровень наднациональный. В частности, при раскрытии понятия наднациональности мы говорим о создании государствами интеграционного объединения — международной организации — и наделении его органов полномочиями принимать решения, обязательные для стран-участниц (в определенных случаях происходит передача предметов ведения государств на наднациональный уровень).

Чтобы лучше разобраться в рассматриваемом явлении, следует сделать небольшой экскурс в историю. Для этого отметим, что «понятие “наднациональность” появилось в зарубежной литературе после создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Договор об учреждении ЕОУС был подписан в Париже в 1951 г. Его участниками стали шесть развитых стран Западной Европы: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург. В основу построения и функционирования правового механизма ЕОУС была положена идея, согласно которой риск развязывания новой войны между странами Западной Европы будет существенно снижен, если институтам экономического сообщества передать значительные полномочия по управлению угольной и сталелитейной промышленностью. В Договоре об учреждении ЕОУС были детально прописаны

полномочия по регулированию сфер, которые он охватывал»¹. В результате произошла «передача значительных регулирующих полномочий институтам сообщества, главным образом Верховному органу, который состоял из независимых от государств-членов международных чиновников, за счет потери соответствующей доли таких полномочий со стороны национальных органов. Учитывая широкие полномочия институтов ЕОУС, Верховный орган, Совет министров, Ассамблею и Суд стали называть наднациональными. Термин “наднациональный” получил юридическое закрепление в Парижском договоре». Анализируя положения Договора об учреждении ЕОУС, О. Н. Шпакович приходит к выводу о том, что «под наднациональностью понималась независимость членов верховного органа от указаний или воздействий со стороны государств-членов»².

Итак, мы привели небольшую историческую справку, позволяющую понять некоторые особенности изучаемого нами явления наднациональности. Теперь в целях обеспечения условий для его объективной оценки обозначим основные признаки, которыми оно обладает. Так, прибегая к обобщению точек зрения юристов-международников, занимающихся изучением обозначенной нами проблематики, на наш взгляд, следует выделять ряд признаков наднациональности, среди которых:

- 1) передача части суверенных полномочий, принадлежащих государствам, в определенных сферах и по конкретным вопросам на основе международных соглашений с государственного уровня на уровень надгосударственный — непредставительным органам международной организации, независимым по отношению к государствам-членам;
- 2) право органов международной организации, действующих в рамках своей компетенции, принимать большинством голосов без согласия и против согласия государств-

¹ Шпакович О. Н. Наднациональность в праве международных организаций // Вестник международных организаций. 2012. № 2 (37). С. 135.

² Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 135—136.

членов решения в виде определенных актов, перечень и правовой статус которых установлен договорами, уставом, действующими в рамках данной организации; причем эти решения обязательны для исполнения государствами-членами, имеют прямое действие на их территории и обязательны также для физических и юридических лиц государств-членов; указанное право нередко обеспечивается посредством возможности применения к «нарушителям» санкций в случае неисполнения принятых органами международной организации решений;

- 3) верховенство наднациональной власти над государственной по определенному кругу вопросов³.

Указанные три признака мы склонны считать основными для установления наднациональности. Также нередко выделяется такой признак, как возможность международной организации вмешиваться в дела государств по вопросам, относящимся к внутренней компетенции государств. Кроме того, некоторые исследователи выделяют в качестве признака надгосударственности возможность институтов организации самостоятельно расширять пределы своей компетенции⁴. Признание указанных двух признаков, по нашему мнению, опасно с точки зрения вопроса о суверенитете государств. Принимая их, мы рискуем перейти ту грань, когда мы говорим о передаче на наднациональный уровень части суверенных полномочий государств в определенных вопросах и когда уже вынуждены будем признать фактическое ограничение государственного суверенитета в результате такой передачи.

Кроме того, О. Н. Шпакович отмечает: «На примере Европейского Союза М. Королев излагает сущность наднациональности так: «Внутреннее право наднационального объединения автоматически становится внутренним законодательством его членов, оно создается органом, который действует юридически неподконтрольно государствам-членам и принимает обязательные для государств решения независимо от негативного к ним отношения со стороны одного или нескольких государств, при том что соответствующие вопросы полно-

стью или частично изымаются из ведения таких». Остальные же признаки, по его мнению, имеют гораздо меньшее значение и являются несущественными».

На наш взгляд, нельзя обойти вниманием также следующий тезис, приведенный О. Н. Шпакович в рассматриваемой статье. Она указывает, что «в начале 1950-х годов И. Кунц определяющей чертой наднациональности считал передачу государствами-членами части своих суверенных полномочий международной организации и наделение ее соответствующей компетенцией по их реализации. По мнению И. Кунца, международное право в целом должно быть наднациональным. Оно не может быть правом между, а только над государствами»⁵. Сданным выводом мы вынуждены не согласиться. Важнейшими субъектами международного права принято считать государства — не разного рода интеграционные объединения, а в первую очередь именно государства. Международные организации же, по нашему мнению, служат лишь своеобразным помощником, выполняющим одновременно и политическую, и экономико-правовую функции. Они, с одной стороны, призваны играть роль своеобразной системы сдержек и противовесов в политической сфере, противостоять разрастанию межгосударственных конфликтов и противоречий. В рамках первой функции следует говорить прежде всего о задачах обеспечения военно-политической безопасности. Вторая функция заключается в создании экономико-правовой базы для осуществления эффективного межгосударственного взаимодействия в сфере торговли. А такого взаимодействия добиться невозможно, если государства, являющиеся его сторонами, находятся в конфронтационных отношениях и нет легальных механизмов изменения их характера и создания платформы для сотрудничества. Перечисленные функции можно оценивать как основные.

Однако принимая во внимание тенденции в современной системе международных отношений, мы вынуждены констатировать тот факт, что на мировой арене появляется еще один важнейший субъект международных правоотношений — интеграционные объединения,

³ Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 133—143.

⁴ Каюмова А. Р. Международная юрисдикция и наднациональность: вопросы соотношения // Юридические записки. 2014. № 1. С. 129.

⁵ Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 137.

органы которых наделяются определенным объемом полномочий (передаваемых им с государственного уровня) и решения которых обязательны для исполнения государствами-членами. Международным организациям уже не приходится ограничиваться перечисленными выше функциями, они вынуждены, по всей видимости, осуществлять и так называемую предписывающую юрисдикцию⁶, которая обеспечивается возможностью применения к субъектам международного права мер принудительного воздействия (санкций). Помимо всего прочего, появляется ряд неразрешенных вопросов. Например, чьи интересы представляет и защищает этот субъект? Какой статус при этом мы оставляем государствам? Имеем ли мы теперь право с полной уверенностью называть данную территориальную организацию суверенной? Ответы на эти вопросы весьма неоднозначны.

Безусловно, в связи с набирающими скорость процессами глобализации, как в экономической, социокультурной, так и в правовой сфере, классические представления о государственном суверенитете претерпевают изменения. Так, мы уже не можем утверждать, что независимость государств в международных отношениях, понимаемая ранее как отсутствие «надгосударственной власти, предписывающей государству обязательные правила поведения в международных отношениях» и наличие необходимости согласия государств для принятия ими на себя обязанности исполнять определенные решения, принятые на международном уровне, характерна для современного правопонимания⁷. Но учитывая указанные тенденции деформации положений классической теории суверенитета, без которых невозможна была бы добровольная передача государствами — членами международных организаций их органам своих суверенных полномочий, и углубления, усложнения процессов общемировой интеграции в различных сферах, следует искать иные механизмы международного взаимодействия.

Эксперты выделяют две модели наднациональности: институциональную и неинституциональную. В результате реализации на практике первой модели мы имеем явление наднацио-

нальности, обладающей описанными ранее в настоящем исследовании признаками. Неинституциональная же модель заключается в «принятии сторонами обязательств для осуществления ими своей компетенции в рамках международного договора, без создания органов с наднациональными полномочиями»⁸. Мы склонны в данном случае говорить скорее не о модели наднациональности, а об одной из форм международной интеграции, а именно о так называемой внеорганизационно-договорной, при которой происходит не создание международной организации, а координационное взаимодействие, объединение и сотрудничество государств в целях решения определенных вопросов на основе международных договоров, соглашений. Такая форма международного взаимодействия и регулирования системы международных отношений представляется, на наш взгляд, наиболее предпочтительной. Вопреки утверждениям специалистов-международников, что, когда мы сталкиваемся с явлением надгосударственности, мы говорим не об ограничении суверенитета, а, напротив, о форме его проявления, заключающейся в реализации суверенного права государств на передачу определенного объема компетенции государства международной организации, принимая во внимание неоднозначность мнения о признаках наднациональности, нам все же стоит опасаться влияния происходящих процессов на полноту государственного суверенитета.

Данная угроза ограничения государственного суверенитета все более возрастает из-за следующих обстоятельств. Как указывает В. В. Сорокин, «в юридической литературе имеет место точка зрения, согласно которой государства добровольно отказываются от части своих суверенных прав и передают их международным органам, наделенным соответствующими полномочиями. <...> В результате индивид становится непосредственно субъектом международного права». По его словам, «актуальность этой проблемы существенно возрастает в последнее время в связи с расширением сферы международной правовой защиты прав и свобод человека, включая возможность об-

⁶ Каюмова А. Р. Указ. соч. С. 129.

⁷ Абдакимова М. Ю. Государственный суверенитет и элементы наднациональности в компетенции межправительственных организаций // Вестник КарГУ. 2007. №1. С. 278.

⁸ Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 141.

ращения в Европейский Суд по правам человека»⁹. Ссылаясь на точку зрения Р. Т. Шамсона, В. В. Сорокин отмечает, что «в современных условиях подавляющее большинство европейских, арабских и российских ученых в той или иной мере признают индивида субъектом международного права (например, субъектом международного права второй категории). Это фактически означает, что права и свободы человека в значительной мере вышли за пределы внутренней компетенции государства (в отличие от советской доктрины, в соответствии с которой регулирование прав человека относилось к внутреннему делу государства) и все более становятся предметом международного регулирования. Признание международной правосубъектности индивидов, с одной стороны, служит обоснованием эмансипации личности, с другой — средством вторжения глобалистов во внутренние дела суверенных государств»¹⁰. Таким образом, мы наблюдаем увеличение перекоса в соотношении интересов «личность — общество — государство» посредством использования международных инструментов информационного и правового воздействия. В результате необходимость обеспечения их баланса фактически отрицается, а с возрастающей ролью органов ряда интеграционных объединений (к примеру, Европейского Союза, Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и др.¹¹) уменьшается роль государства как важнейшего, на наш взгляд, субъекта международного права и равноправного и равновеликого носителя одной из трех групп интересов в «бессмертной» триаде «личность — общество — государство», на которой основывается правовой порядок в каждой отдельной точке нашей планеты и в мире в целом.

Из-за указанного перекоса, возникающего вследствие пропагандирования приоритета прав, свобод и интересов человека (практическая реализация обеспечения и защиты которых происходит в ущерб двум другим группам интересов, что в результате не лучшим образом отражается и на интересах личности), легче осуществлять унификацию внутреннего и международного законодательства — ведь

он дает мировому контенту сверхобъединяющую (в силу своей на первый взгляд бесспорности) идею верховенства прав, свобод и интересов человека среди других групп интересов. В результате такой унификации осуществляется не просто рецепция государствами опыта правового регулирования из других правовых систем, правовая конвергенция и имплементация отдельных положений международных договоров и соглашений. Происходит процесс, обратный интернационализации права, в результате которой на основе взаимодействия национальных правовых систем формируется международное право. Другими словами, происходит спуск наднациональных правовых правил и процедур на уровень национальный: единые международно-правовые правила и процедуры имплементируются в состав внутригосударственного права, зачастую без изменений и необходимой адаптации к внутренним условиям — иными словами, осуществляется унификация локальных правовых систем, приводимых в соответствие с международным правом. При этом игнорируются уникальность народов и государств, необходимость сохранения ими собственной идентичности в целях обеспечения национальной безопасности.

Принимая во внимание описанные обстоятельства, мы не можем не согласиться с мнением В. В. Сорокина, утверждающего, что при определении оптимальных форм и способов решения проблемы унификации внутреннего и международного законодательства необходимо «обеспечить разумное сочетание национальных и международных интересов, учитывая при этом потребность государства сохранить собственную идентичность, включая основы конституционного строя, специфику реализации государственного суверенитета, организации государственного устройства и построения правовой системы»¹².

Унификация, в сущности, ведет к «эрозии правовых семей». «Происходит смешение различных типов правовых систем, что наиболее отчетливо проявляется в сближении континентальной системы права и системы общего права». Процессы смешения, как правило, следует считать так называемой правовой конвер-

⁹ Сорокин В. В. Юридическая глобалистика. Новосибирск, 2011. С. 464.

¹⁰ Сорокин В. В. Указ соч. С. 464.

¹¹ Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 134.

¹² Сорокин В. В. Указ. соч. С. 466.

генцией. «Вследствие правовой конвергенции происходит взаимное обогащение права в различных» сферах. Однако «при глобализации право унифицируется в тотальном масштабе, всеохватно, искусственно и принудительно». В данном случае «о взаимном обогащении национальных правовых порядков в условиях глобализации»¹³, происходящем в рамках классической конвергенции, говорить не приходится.

Как отмечает В. В. Сорокин, «современными исследователями утверждается мысль о том, что в условиях глобализации концепция объективных границ международного права должна отойти в прошлое. Сегодня оно создает права и обязательства не только для государств, но и непосредственно для физических и юридических лиц, имеет прямое действие во внутригосударственной сфере. Во многих странах мира международное право признается как составная часть национальной правовой системы. К этому обязывает так называемый демократический формат существования»¹⁴.

Таким образом, посредством закрепления в Основном Законе государства примата международного права над внутренним в случае их коллизии, появления «модельного законодательства», стремительно увеличивающейся практики рецепции права и использования иных способов постепенно размываются границы между двумя этими системами права. Однако В. В. Сорокин утверждает: «Грань между международным и внутренним правом не должна стираться, поскольку это привело бы к нарушению их адекватного функционирования. У каждой из этих правовых систем своя природа, своя сфера действия, свой объект регулирования и механизм действия. При соблюдении безопасности наций и народов может происходить углубленное взаимодействие двух правовых систем, а не стирание границ между ними»¹⁵. Причем концепция такого взаимодействия должна базироваться прежде всего на «принципе духовно-культурной идентичности»¹⁶ народов и государств и святости их суверенитета.

Отметим, что ввиду увеличивающихся масштабов межгосударственного взаимодействия (в частности, в сфере экономики и торговли

либо в результате сотрудничества в определенных областях, по конкретным вопросам международного взаимодействия, основанного на универсальном правовом регулировании торговли и потоков капиталов, рабочей силы, к примеру в рамках региональных интеграционных объединений) использование таких наднациональных правовых регуляторов неизбежно и целесообразно. Однако когда идет речь о навязывании государствам — членам международных организаций решений, принятых их органами и затрагивающих, в частности, вопросы внутригосударственного регулирования, о применении мировым сообществом санкций и военно-политических средств воздействия против государств, которые, по его мнению, используют недемократические средства при проведении своей внутренней политики, нарушают права своих граждан, мы вынуждены говорить о непозволительном смешении объектов регулирования международного и национального права и недопустимом вмешательстве во внутренние дела государств, осуществляемом посредством международных нормативных регуляторов и, как следствие, даже о фактическом умалении государственного суверенитета. Такое «взаимодействие» нарушает сами же принципы международного права, которые должны лежать во главе угла. Так, в результате подобных явлений на мировой арене, на наш взгляд, нарушаются принцип равноправия и самоопределения народов, принцип невмешательства во внутренние дела государств и суверенного равенства государств. Кроме того, по нашему мнению, в результате применения описанных средств воздействия в рамках деятельности органов ООН есть смысл говорить о том, что явление наднациональности приобретает общемировые масштабы.

Что касается нарушения в результате процессов «наднационализации» обозначенных выше принципов международного права, то отметим следующее. Опровергая факт нарушения указанных принципов, исследователи указывают на то, что согласно п. 7 ст. 2 Устава ООН, Организация не имеет права «на вмешательство в дела, которые по сути относятся

¹³ Сорокин В. В. Указ. соч. С. 490.

¹⁴ Указ. соч. С. 480.

¹⁵ Указ. соч. С. 481.

¹⁶ Указ. соч. С. 482.

к внутренней компетенции любого государства»¹⁷. Однако, как отмечает О. Н. Шпакович, «следует иметь в виду, что некоторые события, происходящие в пределах того или иного государства, могут квалифицироваться, например, Советом Безопасности ООН как не относящиеся исключительно к внутренней компетенции государства»¹⁸. Таким образом, мы сталкиваемся с возможностью расширительного толкования данного положения Устава ООН в результате его изложения с указанием на то, что круг внутренних дел государства, в которые ООН не имеет права вмешиваться, ограничивается лишь теми, которые «по сути относятся к внутренней компетенции любого государства». В итоге концепция невмешательства теряет свой абсолют. Хотя, безусловно, если речь идет о вопросах наличия угрозы международному миру и безопасности, мы уже говорим не о внутренних делах какого-либо государства, а об общемировых, международных интересах. Но, полагаясь на практику построения международных отношений, сложившуюся в последние годы и даже десятилетия, к таким вопросам международными организациями могут быть отнесены те, которые не имеют ничего общего с посягательством на международный мир и безопасность и входят исключительно в компетенцию конкретного государства.

Где же располагаются необходимые и допустимые границы международного правового регулирования? На наш взгляд, оно должно ограничиваться использованием средств международной судебной защиты в случае нарушения прав человека, а также созданием международно-правовой базы регулирования торгово-таможенных отношений на основании использования преимущественно внеорганизационно-договорных форм интеграции, о которой речь шла выше. Использование механизма международного судопроизводства в случае нарушения прав человека безусловно целесообразно, если имеет место международное преступление, а также если исчерпаны все внутренние способы защиты прав, а справедливого решения, обеспечивающего наиболее полную защиту нарушенного права, вынесено не было. Но применение санкций

и военно-политических средств воздействия на государства, где было допущено нарушение прав и свобод человека, категорически недопустимо.

Что касается вопроса примата общепризнанных принципов и норм международного права в Российской Федерации, то отметим следующее. Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Чтобы определить место норм и принципов международного права и международных договоров в России, обратимся к ст. 22 Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации», согласно которой если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции РФ, то решение о согласии на его обязательность для России возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию или после пересмотра ее положений¹⁹. Тем самым гарантируется юридический статус Конституции как нормативного акта, обладающего высшей юридической силой. Кроме того, Б. Б. Балданов указывает: «В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ провозглашен приоритет международного договора над законом. Здесь надо обратить внимание на то, что Конституция РФ, по сути, также является законом — Основным Законом России, обладающим высшей юридической силой на всей ее территории. Возникает вопрос: имеет ли международный договор приоритет над Конституцией РФ? На наш взгляд, однозначно нет. Это обусловлено тем, что Конституция РФ официально термином “закон” не обозначена. Кроме того, в силу ст. 125 Конституции РФ не вступившие в силу международные договоры подлежат проверке на конституционность Конституционным Судом РФ, что изначально предопределяет подконституционное место рассматриваемых договоров

¹⁷ Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 142.

¹⁸ Указ. соч. С. 142.

¹⁹ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

в системе источников права. Кроме этого, из ст. 4 и 15 Конституции РФ следует, что международный договор, являющийся правовым актом, действующим на территории России, не может противоречить федеральной Конституции, обладающей верховенством и высшей юридической силой. Таким образом, международно-правовые договоры, заключенные и ратифицированные Российской Федерацией, в иерархии источников права современной России занимают место между Конституцией РФ и федеральными конституционными законами²⁰. Рассматривая вопрос о месте международных договоров в иерархии нормативных правовых актов РФ, нельзя не отметить следующее. Чтобы в рамках толкования и применения права не возникало противоречий, чтобы не происходило незаконного ущемления прав и интересов человека и гражданина, чтобы не допустить коллизии права, необходимо более точно определить и формально закрепить место международных договоров в указанной иерархии.

Прибегая к сравнительно-правовому методу исследования, рассмотрим, каким образом определяется место норм международного права в правовой системе Республики Беларусь. И. В. Салеев указывает: «Конституция Республики Беларусь не содержит прямого и однозначного указания на место международных договоров в иерархии нормативных актов республики (за исключением недвусмысленного указания о приоритете Конституции над нормами международных договоров). Этот пробел восполнен иным законодательством. В соответствии с законами «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» и «О международных договорах Республики Беларусь» нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора»²¹. По нашему мнению, правовая ситуация, при которой рассмотренные нормы белорусского права регламентируют соотношение применения норм международного и национального права имен-

но таким образом, вызвана преднамеренно по политическим причинам. Власти Республики Беларусь, используя, в частности, правовые инструменты, стараются оградить свою страну от нежелательного влияния международно-правовых норм и, соответственно, международных политико-правовых процессов, проистекающих в современном, полном противоречий мире. Это, на наш взгляд, безусловно, является положительным моментом.

Вопрос о целесообразности заимствования опыта Беларуси в вопросе о месте норм международного права в национальной правовой системе неоднозначен, так как, с нашей точки зрения, решения о согласии на обязательность для России международных договоров следует принимать исключительно в форме законов. Однако подобное стремление белорусских законодателей ограничить влияние международного права на правовую систему страны заслуживает уважения и того, чтобы взять его на заметку. Что касается приоритета в нашей правовой системе норм международных договоров над нормами внутреннего законодательства, то целесообразным представляется установить доминанту над нормами международных договоров не только Конституции РФ, но и федеральных конституционных законов как законодательных актов, принимаемых по ограниченному кругу вопросов, отдельно закрепленных Конституцией РФ, обладающих высшей юридической силой по отношению к федеральным законам и иным нижестоящим нормативным правовым актам.

Подводя итоги, отметим следующее. В современном мире наблюдается тенденция увеличения влияния международного права на национальные правовые системы не только в сфере торгового регулирования, но и в иных областях (например, в сфере обращения с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами). В результате происходит унификация существующих правовых систем, способствующая умалению уникальности и идентичности государств и народов, которые являются неотъемлемым условием обеспечения их национальной безопасности. Наднациональное правовое регулирование проис-

²⁰ Балданов Б. Б. Место международно-правовых договоров в системе источников российского права // История государства и права. 2010. № 11. С. 2—4.

²¹ Салеев И. В. Соотношение международных договоров и внутреннего законодательства Республики Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 3. С. 3—7.

ходит, в частности, под эгидой защиты прав и свобод человека. Однако такой лозунг, по всей видимости, служит лишь формальной вывеской международного правового движения и, как было показано выше, просто не имеет права на существование ввиду неразрывности и равноценности трех групп интересов: «личность — общество — государство». Чтобы противостоять указанным процессам, исключающим прогрессивное развитие стран и народов и их процветание, государствам необходимо

обеспечить разумное сочетание средств национального и международного правового регулирования, не допускающее смешения сфер их действия, и разработать внутренние механизмы защиты, в первую очередь правовой. В результате мы сможем пойти по пути взаимобогащения правовых систем современности и взаимовыгодного сосуществования и сотрудничества государств на базе международного права, учитывающего и оберегающего самобытные национальные правовые системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдакимова М. Ю. Государственный суверенитет и элементы наднациональности в компетенции межправительственных организаций // Вестник КарГУ. — 2007. — № 1.
2. Балданов Б. Б. Место международно-правовых договоров в системе источников российского права // История государства и права. — 2010. — № 11.
3. Каюмова А. Р. Международная юрисдикция и наднациональность: вопросы соотношения // Юридические записки. — 2014. — № 1.
4. Мещерякова О. М. Соотношение наднациональности и суверенитета государств — членов международной организации // Правовая инициатива. — 2013. — № 5.
5. Салеев И. В. Соотношение международных договоров и внутреннего законодательства Республики Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2000. — № 3.
6. Сорокин В. В. Юридическая глобалистика. — Новосибирск, 2011.
7. Шпакович О. Н. Наднациональность в праве международных организаций // Вестник международных организаций. — 2012. — № 2 (37).

Материал поступил в редакцию 2 февраля 2016 г.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION AND THE BOUNDARIES OF STATE SOVEREIGNTY

BYRDIN Evgeniy Nikolaevich — Ph.D., Associate Professor at the Tyumen State University
enbyrdin@rambler.ru
625000, Russia, Tyumen, ul. Lenina, d. 38.

Review: The role of international law regulation of different relations is rapidly increasing in the modern era of globalization. As a result, we are witnessing hot debates concerning the phenomenon of supranationality that has recently appeared in the sphere of international relations and its relation to the category of state sovereignty. This phenomenon triggers a lot of changes in the sphere of legal regulation of relations on a global scale. With regard to the question of the influence of supranationality on the sovereignty of a state, the author concludes the following. Observing the transfer to the bodies of an international organization only certain sovereign powers carried out by member states as a result of "supranationality", we are witnessing the deformation of notions of sacredness and the absolute sovereignty of a state in its classical meaning. As a result, there is a risk of de facto state sovereignty limitations in terms of its completeness and absolute character. In addition, as a result of the analysis of researchers' opinions with regard to the named issues and identification of main features of supranationality, the author concludes that the most preferable model out of two existing models is a non-institutional model that embodies, in author's opinion, extraorganizational contractual form of international integration.

Currently there is a trend of increasing the role and impact of international law in a national legal system not only in the area of trade regulation, but also in other fields (for example, in the field of treating spent nuclear fuel and radioactive waste). As a result, the existing legal systems are being harmonized, which results in diminishing the uniqueness and identity of states and peoples that are indispensable requirements for ensuring their national security in the modern world. Supranational legal

regulation takes place, inter alia, under the auspices of protection of human rights and freedoms. However, such a slogan apparently serves only as a formal facade of an international legal movement, and, apparently, it has no right to exist because of an equal and indivisible existence of three groups of interests "personality-society-state". The author concludes: to resist the named processes that exclude the progressive development of countries and peoples and their prosperity, states should ensure a reasonable combination of tools of national and international legal regulation that do not allow mixing spheres of their actions, and to develop internal mechanisms for protecting rights and interests of participants of social relations.

Keywords: international law, domestic law, international organization, supranationality, suprastatehood, sovereignty, state, integration association, legal system, convergence of law, harmonization, national security.

BIBLIOGRAPHY

1. *Abdakimova, M.Y.* State sovereignty and supranational elements in the competence of intergovernmental organizations // Bulletin of the Karaganda State University. 2007. № 1.
2. *Baldanov B.B.* The place international treaties in the system of sources of Russian law // History of the State and Law. 2010. № 11.
3. *Kayumova, A.R.* International Jurisdiction and Supranationality: questions of interrelation // Legal Notes. 2014. №1.
4. *Meshcheryakova, O.M.* Interrelation of Supranationality and Sovereignty of International Organization Member States // Legislative Initiative. 2013. №5.
6. *Saliev I.V.* Interrelation between international treaties and domestic legislation of the Republic of Belarus // Belarusian Journal of International Law and International Relations. 2000. № 3.
7. *Sorokin, V.V.* Legal globalistics. Novosibirsk, 2011.
8. *Shpakovich, O.N.* Supranationality in the law of international organizations // Bulletin of International Organizations. 2012. № 2 (37).